

Блогнот. Реалии иркутской медицины в разгар коронавируса

Дедушка и Мася за время нашего отсутствия постарались на славу. Квартира превратилась в помойку. Тапки липнут к полу. В Масину миску дедушка корм швырял, словно из дальнего угла. Попадёт, не попадёт...

Пришлось браться за швабру и тряпки. Полдня оттирали грязь и пыль.

К вечеру: «Кхе-кхе» - что такое? Словно битым стеклом надышались.. Температуру померяем? Как тридцать семь и пять? Блииин...! Неужели подхватили, несмотря на все предосторожности? Или это уже от нервов? Всё, спать. В кроватку, скорее в кроватку... Утро вечера мудренее.

Долго спать не получается. Беспокойно как-то. На часах - четыре. Нет, не уснём. Кашель не отпускает, а в голове вертятся последние новости. Тысячи заражённых, палатки для складирования трупов на улицах Рима...

Звоним на горячую линию по коронавирусу: «В 8:00 обращайтесь в поликлинику, придет ваш участковый терапевт и возьмет анализы». Мне такого ответа довольно, жене – нет. Марья не такая. Марья продолжает генерировать идеи. Завязывается переписка с подругами. Одна экспертша пишет: «Не звоните в поликлинику, никто к вам не поедет. Добивайтесь, чтобы приехала скорая». А как сделать, чтобы она приехала? Скорая выезжает только если температура выше тридцати восьми. У нас тридцать семь и пять. Выходит, ждать утра и к терапевту? Тут есть нюанс: мы прикреплены в разных поликлиниках. Я - в Молодежном, Марья с Дарьей - в Академгородке. Это что же получается, двух терапевтов из разных клиник вызывать?

Опять звоним на горячую линию и ставим их в тупик. Операторы не знают, как быть в подобной ситуации. Вообще, заметно, что на горячую линию только начали поступать звонки, алгоритм еще не отработан. На каждый второй вопрос оператор кричит в сторону: «Ирааа! А что делать, если температура такая-то?» или «Ирааа! А что, если участковый откажется?» В итоге возвращается к тому же:

- Ждите утра и звоните в поликлинику.

- В какую?

- Каждый в свою звоните.

- А в скорую?

- А в скорую нет. Только если температура.

На фоне всех этих переживаний, к семи утра температура поднимается до тридцати восьми. Ага! Теперь есть повод в скорую позвонить! (Забегая вперед, удивляюсь: что нам уперлась эта скорая? Ну, на час раньше дозвонились, чем в поликлинику, ну и что? Зато сидели бы сейчас дома.)

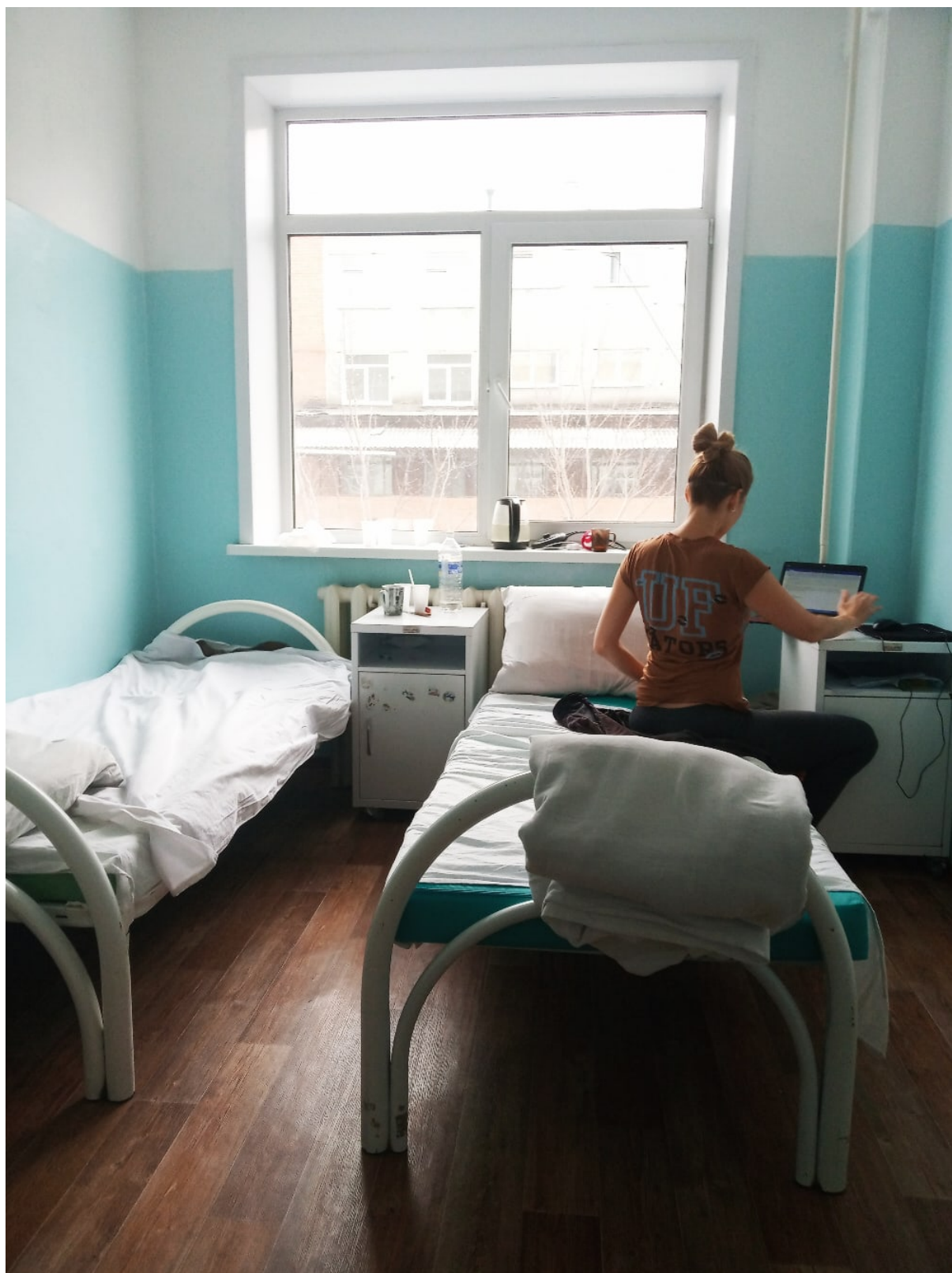
Звоним в скорую: Так и так, температура тридцать восемь, кашель, все симптомы для паники. - Сейчас приедем, - отвечает скорая. И правда, сей же час приехала. Через 55 минут. Неплохой результат по нашему времени. Перепутали подъезд, и пришлось бежать на улицу, показывать, откуда нас надо забирать.

Спрашиваем молодого фельдшера-бурята, с трудом говорящего по-русски: «вы же обратно нас привезете? Мы сейчас съездим, анализ сдадим и обратно вернемся?» – Да, - говорит, - все так и будет. И мы, наивные, не взяв с собой ни зубных щеток, ни тапочек, ни зарядки для телефона; оставив открытыми все окна и работающий компьютер, грузимся в фургон. Еще дочь разбудили, мирно спящую: «Поехали, Даша, на полчаса. Прокатимся до больницы, анализ сдадим и обратно – досыпать».

За двадцать минут, под вой сирены, браво домчались до инфекционной больницы на Синюшке, а дальше начался цирк. Сидим, ждём, чтобы нас встретили и сопроводили. В фургоне дубак. Обогрев включать нельзя по санитарным нормам, а одеты легко, думали в теплой машине поедem. Начинаем мерзнуть. В больнице шестнадцать дверей, все заперты, и во дворе ни души. Десять минут, двадцать, тридцать... За это время фельдшер успевает заполнить бланки с нашими персональными данными. По два листа на каждого.

Всхрипнув, оживает рация: «Подходите к боксу». Фельдшер бросается вперед, стучит и дёргает ручки одной из дверей. Мы топчемся позади. Дверь не поддается. Утренний морозец вползает в ботинки. Бежим вдоль стены, пробуя каждую дверь. Глухо. Рация гундосит непонятное, фельдшер переводит: номер бокса – второй! Это за углом. Бежим туда. Действительно, видим приоткрытый шлюз, и рядом толстый космонавт в лоскутах синего и белого. Это медсестра. Протискиваемся цепочкой: фельдшер, за ним Мария, потом я; а шестнадцатилетнюю Дашу космонавт выталкивает из шлюза обратно на улицу и объявляет, что место есть только для двоих. Мы просто охреневаем от такого поворота. Я отпихиваю медсестру и затаскиваю дочь с мороза внутрь. Медсестра протестует, но не очень активно, сама понимает, что сморозила не то. Палата встречает нас запахом озона и свежезастеленными койками. Не успеваем расположиться, как возникает другая медсестра, постарше и потолще, и поднимается крик: «Что здесь делают эти трое? Ах, они уже и расселись тут?! Для них другой бокс! Ведите их отсюда в четырнадцатый!»

Подхватываемся и через улицу трусим в другой конец здания, к четырнадцатому боксу. Естественно, дверь заперта. Приплясываем, ждем. Ноги мерзнут. Руки мерзнут. Начинает трясти. Блин! Да сколько можно?! Так и здоровый получит воспаление легких. Оставив фельдшера караулить, спешим обратно к фургону скорой и забираемся внутрь. Сейчас даже тут кажется тепло.

Еще минут через двадцать, двери четырнадцатого бокса открываются, и мы попадаем внутрь. Тепло палаты несколько смягчает раздражение. Наученные опытом, раздеваться не торопимся. Поглядывая на часы, ждем врача. Время от времени, фельдшер вскакивает и мечется по палате, тихо матерясь. Ему надо ехать на дезинфекцию фургона, потом на другие вызовы, но уйти он не может, пока врач не распишется в сопроводительных документах. Проходит полтора часа. Наконец, фельдшер не выдерживает, бросается на дверь и дубасит ее кулаками. К нашему удивлению, это помогает. Появляется женщина-врач, и процедура заполнения бланков с персональными данными повторяется. Потом опрос и осмотр. Наконец, врач убеждается, что её данные совпадают с данными фельдшера, и подписывает сопроводительные документы. Отпущенный на волю, фельдшер пулей вылетает за дверь.

А мы начинаем понимать, что нас домой никто сегодня не повезет. Более того, врач объявляет, что нам предстоит пробыть здесь, в этой самой палате до получения окончательного результата анализов – все двенадцать дней карантина. В изоляции, без друзей, родных и домашнего интернета. Страшная вещь!

Пытаемся лавировать:

- А разве нельзя дома в самоизоляции посидеть до получения результата? В Москве вышло распоряжение, чтобы даже с подтвержденным диагнозом, если в легкой форме, лечиться дома, без посещения медучреждений.

- Вы не путайте! Где Москва и где Иркутск! У нас другие распоряжения. Из стационара ни шагу!

- Можно хотя бы одному съездить, привезти из дома необходимые вещи? У нас, в конце концов, в квартире окна открыты и электроприборы включены!

- Нет. Договаривайтесь с родственниками.

- Ну, хорошо, - сдаемся мы, - можно им ключ передать от квартиры?

- Нет. Отсюда ничего передавать нельзя.

- А как они в квартиру к нам попадут? Черт! У нас же кошка дома одна! И рыбы в аквариуме. За две недели все передохнут.

- Ничего не могу поделать. У нас распоряжение.

И так продолжается до вечера. Потом кое-как удается договориться с наиболее покладистой из медсестер, чтобы передала ключ подруге жены. Ключ приходится предварительно замариновать в хлоргексидине с целью дезинфекции, и завернуть в три полиэтиленовых пакета. Беспрецедентные меры безопасности.

Пройдя все стадии от возмущения и попыток поторговаться, мы покоряемся неизбежному. На второй день, с помощью друзей, обзаводимся предметами первой необходимости: чайник, тапочки, туалетная бумага. Заряжаем севшие телефоны. Жизнь начинает налаживаться. А на третий день нам велят собираться для переезда в «чистое отделение». Получены результаты первых анализов, и результаты на коронавирус у всех троих отрицательные. Это значит, что хотя мы определенно болеем (лейкоциты зашкаливают), маловероятно, чтобы у нас оказался тот самый вирус-убийца. Однозначный результат можно будет получить на десятый день. Раньше брали три анализа, теперь промежуточный отменили и волей-неволей придется ждать десять дней до контрольного. Марья в бешенстве, ей не терпится освободить больничную койку для того, кому она нужна больше, чем нам. Я из-за этого не переживаю, не такой уж я альтруист, а Даша – вообще довольна: здесь кормят, можно целый день лежать, и никто не надоедает с раздражающей ерундой, вроде домашних заданий или мытья полов.

Вечером третьего дня нас переводят на этаж повыше в «чистое отделение». Едва успели разложить вещи по тумбочкам и расстелить белье, поступает новая команда. Нас троих и ещё семь человек собирают, и ведут в другой корпус. Медсестра говорит, что прежний корпус целиком передают под вновь поступивших. Традиционно потыкавшись в запертые двери, идём в обход здания гуськом, чавкая тапками по жидкой грязи. Новая палата светлая, с окном во всю стену, и уборная такая же. По центру, перед огромным окном без занавесок установлена ванна, сразу за ней - унитаз.

Вечером отправляюсь в уборную, зажигаю свет, основательно утверждаюсь на троне, поднимаю взор, и... «Ах, эти глаза напротив!...». Вот чёрт! Достоинство. Главное - сохранять достоинство! С самым непринужденным видом, стараясь не двигать губами, ору:

— Маша! Выключи скорее свет в туалете! Не спрашивай, зачем. Потом сама поймёшь.

И, крабиком, крабиком – вбок, к двери.

И до сих пор не могу взять в толк: окна здесь не занавешивают в терапевтических целях или у Родины беда с текстильной промышленностью? Залётные вуайеристы и эксгибиционисты должны быть очень довольны. Корпуса стоят плотно, окна в окна, а занавесок нет. Все на виду. Когда мне было четырнадцать, родители очень радовались, что их чадо увлекается астрономией, и все вечера просиживает на балконе, давя прыщи и таращась в подаренный на день рождения телескоп. Даже в непогоду. Даже если небо тучами затянуто. К их разочарованию, больших успехов в астрономии сын не достиг. С трудом находил Малую Медведицу. Зато в совершенстве изучил расположение спален всех молодых и симпатичных женщин из девятиэтажки напротив. Некоторые из них тоже пренебрегали занавесками.

Когда тебе сорок пять, а в палатах соседнего корпуса не видно никого моложе шестидесяти, наблюдение

сильно теряет в интересе. Первые пару дней мы очень стеснялись своей публичности, потом привыкли и сейчас ходим в уборную с эдакой собачьей непринужденностью.

Получаем антибиотик внутримышечно, АЦЦ перорально и Виферон с обратной стороны в свечках. Температура ушла в первый же день, и дальнейшее самочувствие не меняется уже неделю: редкий сухой кашель, комок в груди, что мешает как следует вдохнуть, и быстро приходящая усталость.

В окно видим, как скорые регулярно привозят новых пациентов. Пытаемся соотнести с цифрами, которые каждый день публикуются на ирк.ру. Не сходится, у нас получается больше. Может быть, не все попадают в «подозрительные», но с другими диагнозами сейчас сюда не везут – по словам медсестер.

В новостях читаем об удивительной точности тестов. Да, есть чему удивляться: позавчера в Коммунарке умерла мать знакомой, шестидесяти двух лет. Двенадцать дней пролежала в больнице под наблюдением, оба анализа отрицательные, самочувствие нормальное, готовили к выписке. Неожиданно поднялась температура, обнаружилась пневмония, и через сутки – труп. Делают посмертный анализ на коронавирус, он оказывается положительным. Родственникам выдают тело в цинковом гробу, с запретом хоронить в земле (обязательная кремация) и разрешение на проезд по Москве, со сроком действия пять часов. В справке о смерти: «сердечная недостаточность».

На шестое утро наблюдаем из окна:

Подъезжает грузовик. В кузове семь здоровенных ящиков.

- Ну, - думаем, - круто! ИВЛ привезли в больницу. А чего не разгружают-то?

Действительно, разгружать не торопятся. Шесть здоровых мужиков в рабочей одежде вышли на улицу и стоят возле машины. Курят, чего-то ждут. Час ждут. Два часа ждут. Непонятно...

- Ага! – догадались мы, - ящики тяжелые, автокран или погрузчик задерживается, вот и ждут бедолаги.

Святая наивность! Никак не можем настроить мозги в унисон с российским гимном. Какой автокран? Какой погрузчик? Ждут ЧИНОВНИКА!

Вот и он подъехал, харя в два окна. С ним девушка-репортер. Сразу все задвигалось. Грузовик подлетел к парадному входу, мужички побросали сигареты и выстроились цепочкой. Чиновник приблизился, подал всем

руку, затем натянул маску и принял изящную позу напротив грузовика. Девушка-репортер защелкала камерой, мужики потащили ящики. Раз восемь этот процесс прерывался, потому что важному человеку что-то не нравилось, приходилось переснимать.

Нам надоело смотреть, а вскоре все и разошлось, кино кончилось. Интересно, сообразит господин, прежде чем закурить первую сигарету, что он поручался без перчаток со всем персоналом инфекционной больницы? Или пора потихоньку готовить ВИП-палату?

Автор: Леонид Лазарев © Babr24 ЗДОРОВЬЕ, РАССЛЕДОВАНИЯ, ИРКУТСК 👁 30639 09.04.2020, 12:38

URL: <https://babr24.com/?ADE=199352> Bytes: 12866 / 12595 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Леонид
Лазарев.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)